

Вступление

Разбор проекта закона, имеющего целью установить бессрочную монополию в пользу авторов, изобретателей и художников {1*}

27 сентября 1858 года в Брюсселе собрался конгресс, состоявший из литераторов, учёных, художников, экономистов, и юристов всех стран; цель этого конгресса составляло разрешение вопроса об авторских правах, о том, что в настоящее время носит название интеллектуальной или литературной собственности.

Еще 15 августа г. де Ламартин прислал президенту конгресса письмо, следующего содержания:

Париж, 15 августа 1858 года.

«Господин Президент, важные (sic) и непреодолимые препятствия лишают меня возможности принять участие в конгрессе, на который вы меня приглашаете. Такое обстоятельство тем более для меня прискорбно, что, в качестве докладчика закона о литературной собственности во Франции (в 1841 г.), я серьёзно занимался этим вопросом, доказательством чему могут служить статьи, которые я помещал об нем в «Монитере».

«Бельгии, как стране по преимуществу интеллектуальной, приличнее всего взять на себя инициативу в таком вопросе, который представляет собою новый шаг в деле развития института собственности. Некий софист сказал: Собственность — кража (La propriété c'est le vol). Устанавливая самую священную из собственности — собственность интеллектуальную, вы ответите этому софисту: она создана Богом, человек должен признать ее.

«Примите, Господин Президент, уверение в моем глубоком уважении».

«Ламартин».

Я выписываю это письмо из «Indépendance Beige» — 18 августа 1858 г.

В это время я только что приехал в Бельгию, куда должен был удалиться потому, что за сочинение «О правде в революции и в церкви{2*}» меня приговорили к трехлетнему тюремному заключению. Таким образом г. де Ламартин плохо рекомендовал меня Бельгии и предостерегал конгресс против моих софизмов. Г. де Ламартин брал на себя совершенно напрасный труд. Я не был на конгрессе, меня туда не приглашали. Все участие мое в этом деле проявилось только в статье, помещённой мною в одном небольшом еженедельном журнале, который в то время был мало распространен, вследствие чего и статья моя прочтена была не многими. Никто на конгрессе не повторил моих доводов, никто даже не произнес моего имени, и тем не менее конгресс, единодушно стоявший за собственность, отверг бессрочность литературной привилегии.

Проигравши дело на брюссельском конгрессе, литературная собственность однако не признала себя побежденною, а решилась во что-бы то ни стало взять свое. С этою целью явилось множество различных сочинений, к числу которых относятся: 1.) Исследования о литературной собственности{3*} гг. Лабуле, отца и сына (1858 г.); 2.) Об интеллектуальной собственности{4*}, соч. гг. Фредерика Пасси, Виктора Модеста, П. Пальотте, с предисловием г. Жюля Симона (1859 г.). Мы уже видели на сколько удалась г. де Ламартину попытка предостеречь против моих софизмов брюссельский конгресс. Гг. Фредерик Пасси, Виктор Модест и П. Пальотте, не смея затрагивать почтенных членов брюссельского конгресса, в свою очередь напали на того же несчастного софиста, которого и начали бичевать, как безответного холопа. Когда мне будет время посмеяться, то я представлю публике Интеллектуальную собственность, метафизически доказанную господином Фредериком Пасси, за которую будет следовать Абсолютная Юриспруденция г. Виктора Модеста и Путешествие на остров Робинзон г. П. Пальотте, комедия в трех действиях, в прозе, с прологом г. Жюля Симона. В настоящую минуту мне достаточно будет сказать, что учёные сочинения гг. Лабуле, отца и сына и гг. Фредерика Пасси, Виктора Модеста и П. Пальотте, последнее контрастированное Жюлем Симоном, имели столько же влияния на антверпенский конгресс 1861 года, (на котором я также не присутствовал), сколько авторитет г. де Ламартина на брюссельский конгресс 1858 года.

Наконец литературная собственность в кассационном порядке обратилась к самой императорской власти. Журналы заговорили о третьем конгрессе в Париже. Созвание такого конгресса было бы совершенно логично. Вопрос о литературной собственности существенно отличается своею космополитичностью, так как серьёзное разрешение его невозможно, если оно не будет принято всеми государствами. Конгрессу следовало противопоставить конгресс же, брюссельский и антверпенский поместные соборы следовало призвать на вселенский собор в Париже. Два первые конгресса, под влиянием бельгийской атмосферы, сбились с истинного пути; третий, собравшись на свободной земле, не смущаемый предрассудками, восстановит нарушенную справедливость. Франции, как стране некогда конституционной, представительной и парламентарной, прилично было торжественно и всесторонне обсудить, если нужно, в тридцати заседаниях то, на что брюссельский и антверпенский конгрессы употребили три заседания.

Тем не менее, французы предпочли прибегнуть к простейшим формам императорского порядка, как к представляющим более ручательств за справедливость. Для разрешения этого вопроса государственный министр г. Валуевский учредил особую комиссию. Комиссия, рассуждавшая при закрытых дверях, написала уже доклад, государственный совет составит проект, а законодательный корпус вотирует новый закон. Я сначала было надеялся, что поразмысливши хорошенько об этом предмете и министр и комиссия откажутся от своего проекта; но надежда моя не осуществилась{5}. Полновесные возражения, которые представлялись защитникам литературной монополии противною стороною не пошли в прок. Каста литераторов, самозванных преемников Вольтера, Руссо, д'Аламбера и Дидро решилась побороть самый принцип революции. Вероятно надеются, что когда Франция выскажет свое мнение, то к нему присоединятся все нации. Разве мы не истинные истолкователи свободы, равенства, собственности; разве мы не выступаем с барабанным боем под знаменем революции? Совершивши подобный подвиг, мы — эмансипируем интеллигенцию человечества, как выражался г. де Ламартин в 1841 году.

Что касается до демократии, представляемой прессою, то она изъявила рабскую покорность. Если и являлись некоторые возражения, то до такой степени скромные и опиравшаяся на такие слабые доводы, что можно смело сказать, что оппозиции вовсе не было. Все приняли решительную, торжественную апофегму г. Альфонса Карра: Литературная собственность — такая же собственность, как и всякая другая (*la propriété littéraire est une propriété*). Я считаю особенно важным указать на то, что эта привязанность к литературной собственности, по словам её защитников, вытекает будто бы из глубокого уважения, ясного понимания права собственности и священного ужаса при виде нападений, которым оно подверглось. По словам сторонников нового учения — поземельная собственность, до сих пор считавшаяся собственностью по преимуществу, нисходит на второй план и даже объявляется безосновательною, незаконною, воровскою, если не дополняется, не освящается и не подкрепляется собственностью интеллектуальною — самым справедливым, самым священным видом права собственности. Хотя бы защитники монополии и не называли меня, но намеки их были довольно ясны, так что я лично вовлечён был в спор. Если поэтому полемика моя принимает иногда вид возмездия, то читатель поймет причину такого явления.

Всесветное предание и единодушный приговор всех наций до сих пор отвергали принцип бессрочности привилегий на книги, произведения искусства, машины и т. п. — «Против этого принципа», сознается защитник литературной собственности г. Виктор Модест «вооружаются положительные законодательства и старого и нового света. К числу его противников принадлежит большинство великих мыслителей, большинство наших учителей». Прибавим, что он противоречит основаниям нашего публичного права и принципам революции.

Но мы все это переменим. Предание и всеобщее соглашение не имеют смысла, законодатели наши с 1789 до 1851 г. ошибались, положительные законодательства старого и нового света, — впали в заблуждение. Революция сбилась с истинного пути, да впрочем она принадлежит прошлому веку и нам пора с нею покончить. На революцию мы смотрим, как на привилегию, срок которой окончился; у нас теперь уже не революция, а прогресс на языке. Мы докажем это пересмотром протоколов брюссельского и антверпенского конгрессов. Апелляторы многочисленны, сильны, деятельны; у них есть свои авторитеты. Будет большим несчастьем, если литературная собственность, борясь на поприще ею самую выбранном, имея дело с одними софистами, отстаиваемая государственным министром и уверенная в защите со стороны императора, не одержит победы. В Брюсселе толковали об этом предмете старые перепечатчики, в Париже он будет обсуждаться — экономистами и юристами.

Конечно, вступая в борьбу в подобную минуту, я не могу ждать успеха. Франции в её революционных передвижениях суждено кажется возвратиться к порядку, уничтоженному в 1789 г. Нас, французов, могли бы обвинить в отступничестве, если бы не было известно, что история имеет свои повороты, свои *ricorsi*, как выражался Вико, и что ретроградное направление служит иногда предвозвестником нового прогрессивного движения. Моралисты любят объяснять этот странный феномен падением наций, но более глубокое исследование открывает в нем постоянный закон... Но так как на той степени развития, которой цивилизация достигла в настоящее время, одно государство не может принять

никакого окончательного решения без согласия прочих государств, так как не во власти Франции остановить революцию, ею начатую, но распространившуюся по всей Европе, то я решился издать настоящее сочинение, в надежде, что если и не избавлю Францию от нового закона, то, по крайней мере, может быть успею помешать распространению его за пределы империи Наполеона III.

Меня совершенно успокаивают следующие два обстоятельства: первое, — что право собственности, находящее в 1862 году столько же защитников, сколько и в 1848, вопреки мнению сторонников литературной привилегии нисколько не заинтересовано в учреждении бессрочной монополии; второе, — что мне приходится бороться не против правительства, которое в настоящем случае само только увлечено влиянием партий и воображает, что поступает совершенно справедливо, благоразумно и прогрессивно, представляя на обсуждение палат такой закон, который двадцать лет тому назад был бы встречен всеобщим негодованием.

Пусть император вносит в палаты проект нового закона, — его дело вносить всякие проекты, так как одному ему по конституции 1852 г. предоставлена законодательная инициатива. Но пусть помнят члены государственного совета, законодательного корпуса и сената, что приняв подобный закон, они окончательно погубят дело революции, нанесут жестокий удар праву собственности, заменят принцип народного самодержавия, в силу которого царствует Наполеон III — феодальным, династическим началом и кастовою иерархией, словом совершенно исказят все государственное и гражданское право Франции.

Пусть успокоятся те собственники, которых до сих пор страшат красными призраками делильщиков, в этой книге они не найдут ни одного неблагоприятного предложения. Их интересам не грозит никакой опасности. Их собственность не имеет ничего общего с тою воображаемою интеллектуальною собственностью, на сторону которой их хотят привлечь; они не подвергнутся экспроприации за то, что откажутся освятить своим согласием самую безнравственную из привилегий. Если бы дело шло о праве собственности, то я бы не вмешался в спор, зная, что заявление моего всегда открытого мнения могло бы только ускорить роковое разрешение вопроса.

Что касается до почтенных ораторов и публицистов, защищавших и на брюссельском конгрессе, и после него то же положение, которое и я отстаиваю, и из которых я назову гг. Виллемена, Валевого, Вильоме, Кальмеля, Виктора Фуше, Кантю, де-Лаверня, Поля Кока, Гюстава Шоде, (я говорю только о живых), то да позволят они присоединить к их более влиятельным голосам и мой сильно скомпрометированный голос. Далеко еще не последнее слово сказано в сложном вопросе о правах авторов и художников, много еще можно поработать над разъяснением той путаницы, той темноты, которую внесли в него самозванные юристы и экономисты. Я надеюсь, что меня должны будут поблагодарить за то, что я указываю к какой пропасти влекут они и страну и правительство.

Вопрос о вознаграждении авторов соприкасается к разным сферам идей. Я рассмотрю его с трех точек зрения: политической экономии, эстетики и публичного права.